

ЕВГЕНИЙ
КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК
ВНУК СОТНИКА

ВНУК СОТНИКА
БЕШЕНЫЙ ЛИС
ПОКОРЕННАЯ СИЛА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «БФ-коллекция»

Оформление *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

К78 Красницкий, Евгений Сергеевич

Отрок. Внук сотника : Внук сотника. Бешеный лис. По-коренная сила: сборник / Евгений Красницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 832 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-113415-0

XII век. Права человека, гуманное обращение с пленными, высший приоритет человеческой жизни... Все уместается в одном месте — ножах, висящих на поясе победителя. Убей или убьют тебя. Как выжить в этих условиях тому, чье мировоззрение формировалось во второй половине XX столетия? Принять правила игры и идти по трупам? Не принимать? И быть убитым или стать рабом? Попытаться что-то изменить? Для этого все равно нужна сила. А если тебе еще нет четырнадцати, но жизнь спрашивает с тебя без скидок, как со взрослого, и то с одной, то с другой стороны грозит смерть? Если гибнут друзья, которых ты не смог защитить?

Пока не набрал сил, пока великодушие — оружие сильного — не для тебя, стань хитрым, ловким и беспощадным, стань Бешеным Лисом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113415-0

© Евгений Красницкий, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ВНУК СОТНИКА

Пролог

1999 год. Санкт-Петербург.

Тюрьма «Кресты». Палата в тюремной больнице

— На зоне вам, Михаил Андреевич, не выжить. Скорее всего, вы туда даже не доедете. Убийства своих «братки» не прощают.

— Я защищался!

— В этом вы не смогли убедить даже суд, а уж приятелям убиенного на это и вовсе наплевать. Вы приговорены, и приговор будет приведен в исполнение. Можете не сомневаться.

— Спасибо, доктор. Умеете утешить и внушить оптимизм.

— Перестаньте ёрничать! Вы в который раз попали в тюремную больницу? Первый? Это вам еще повезло, что в больницу. Могли сразу в морг. А в «Крестах» причина смерти одна — острая сердечная недостаточность. То, что эта недостаточность вызвана несовместимыми с жизнью травмами — излишние, никому не интересные подробности. Сердце, кстати сказать, у вас не в самом лучшем состоянии. Второго раза, я думаю, не будет. Так что...

— Так что — что?

— Вы обратили внимание на то, что мы вас очень тщательно обследовали? Вопросы не возникло?

— Обратил. Не просто тщательно — нестандартно, насколько я смог разобраться. И на то, что вы собираетесь сделать мне какое-то предложение — тоже обратил. Положение у меня — сами только что обрисовали, так что не тяните. Что от меня требуется: предоставить организм для испытания нового лекарства, стать донором органов для трансплантации? И что я буду с этого иметь?

— Нет, ничего из перечисленного мне от вас не нужно. Предложение мое будет, как вы изволили выразиться, нестандартным.

— Да не тяните вы... как, кстати, вас зовут?

— Максим Леонидович. А иметь вы, в случае согласия, будете много, для вашего нынешнего положения — очень много. Почти все.

— А если откажусь?

— Сегодня же вернетесь в камеру, и... повторно сделать вам это предложение я уже, сами понимаете, не смогу.

— Н-да-а... по коцают меня пацаны...

— Перестаньте! Я же знаю, что вы не уголовник. Дело, по которому вас взяли под стражу, закрыто за отсутствием в ваших действиях состава преступления. Если бы вы, уже в «Крестах», не превысили меру необходимой самообороны, то были бы сейчас на свободе. По правде сказать, за убийство этого подонка не судить, а награждать надо бы...

— Вы это прокурору расскажите.

— Да прекратите вы, в конце концов! Я с вами, как с серьезным человеком, разговариваю, а вы как...

— Вот именно — серьезным! Мое личное дело вы, конечно же, читали и знаете, что по диплому я — специалист в области управления. К тому же — не мальчик, всякое бывало. Поэтому прекрасно вижу: вам, Максим Леонидович, нужен не любой клиент этого богоспасаемого заведения, а почему-то именно я. Так что, положение у нас одинаковое: ты — мне, я — тебе. И не надо набивать цену. Говорите, что от меня нужно и что вы можете за это предложить, а я подумаю.

— Странно, Михаил Андреевич, у нас как-то разговор складывается. Вы в безвыходном положении, должны бы радоваться, что...

— Вот и порадуйте меня, а не ходите, как кот вокруг сметаны.

— М-да, даже не представлял, что все окажется так сложно. Видите ли, Михаил Андреевич, та информация, которую я собираюсь вам дать... Она предполагает определенные отношения, вернее, настрой... Доверительность, что ли. А вы сразу настроились так негативно...

— Не беспокойтесь. Я — управленец, могу объективно воспринимать информацию независимо от настроения. А если нахамил — извините. У меня в последнее время круг общения был — сами понимаете.

— Ну, хорошо. Что вы скажете, если я сообщу вам о существовании некоего аналога машины времени?

— Не бойтесь, психом не посчитаю. Нужен испытатель для первого полета? Что получу, если вернусь живым?

— «Полет», как вы выразились, будет в один конец. Мы переносим не тело, а только сознание. И «полет» — не первый.

— Тогда — в чем смысл?

— Вы «вселяетесь» в новое молодое тело, и у вас впереди целая жизнь — лет пятьдесят. Учитывая, что вам сейчас сорок восемь, и до следующего дня рождения вы вряд ли... Извините. В общем, вы получаете еще одну жизнь, но в двенадцатом веке.

— Доктор, если вам нужно нормальное сотрудничество, прекратите пудрить мне мозги. За девятьсот лет Земля вместе с Солнечной

системой пролетела огромное расстояние. Вам придется двигать меня не только во времени, но и в пространстве, не говоря уже о прочем...

— Я же сказал: один раз это уже получилось. Вы мне не верите?

— Но, хотя бы в общих чертах, хоть «на пальцах» можете объяснить?

— Только так и могу, я же не специалист. Представьте себе информационное поле Вселенной... Оно существует с момента ее возникновения и будет существовать до ее конца. Вернее, не так. Оно существует все время. Одновременно и в прошлом и в будущем — всегда. Наши физики каким-то образом в этом разобрались, но я — медик, так что, за объяснениями — не ко мне.

Наши личности или, если хотите, информационные матрицы — это кластеры общего информационного поля. В момент смерти этот кластер не исчезает, а интегрируется в общее поле или растворяется в нем. Не знаю. И физики не знают, нам этот процесс отследить не удалось.

— Ага, еще один аргумент в пользу существования бессмертной души! К лику святых быть причисленным не планируете?

— Да прекратите же! У нас, между прочим, не так уж много времени!

— Пардон, доктор, продолжайте, пожалуйста.

— Так вот: некоторые кластеры или личные информационные матрицы, называйте, как хотите, резонансны относительно друг друга. Обнаружить пару таких взаимосвязанных кластеров очень трудно, вы — четвертый случай. С первыми двумя ничего не получилось. Потом один раз перенос удался. Теперь вот вы.

— Аналогия ясна: приемник и передатчик, настроенные на одну частоту, передающая среда — информационное поле Вселенной. Что останется от меня после передачи?

— Оболочка без признаков мысли и сознания. Овоц.

— А что станет с приемником?

— Замена личности. Он станет вами.

— А не наоборот?

— Во всяком случае, ваш предшественник свою личность сохранил, подал весточку и даже начал выполнение задания.

— Значит, все-таки задание. А «эффекта бабочки» не боитесь?

— Нет, воздействие, которое может оказать один человек, даже будь он великим императором, настолько несопоставимо по масштабам со всей Вселенной как объектом воздействия... исчезающе малая величина.

— Ну не скажите! Насчет всей Вселенной не знаю, но для Земли... Устроить, например, ядерную зиму или какую-нибудь кошмарную эпидемию... да мало ли что можно...

- В двенадцатом веке? И где же вы возьмете ядерную бомбу?
- Намек понял. И что же за задание? Убить кого-нибудь или, наоборот, спасти?
- Зачем? «Эффект бабочки» не работает, во всяком случае, на такой «дистанции», я же объяснил. Все гораздо проще, приземленнее, если хотите, меркантильнее. Стыдно даже говорить, но жизнь сейчас такая...
- Кого-то ограбить, зарыть клад в условленном месте, а вы здесь откопаете? Не смешно, доктор.
- Тем не менее. Только грабить не нужно. Знаете, сколько стоят сейчас иконы или книги дотатарской Руси?
- Вы серьезно? И ради этого...
- Слушайте, вы! Управленец, мать вашу! Вы что — вчера родились? Нас выселяют из здания, персонал лабораторий разбежался, потому что не получает зарплаты, электричество отключили, я — доктор медицинских наук, профессор — халтуру в коммерческой шараге... Дальше продолжать?
- Понимаю, простите, Максим Леонидович. Как же вы в таких условиях меня «запускать» собираетесь? Без электричества...
- В подвале института есть генератор, недавно достали две бочки солярки. Запустим.
- Когда?
- Сегодня ночью спутник-ретранслятор будет в нужной нам позиции.
- Как сегодня? Нужно же подготовиться, хотя бы обстановку на месте изучить, я же не историк, языка не знаю, да и вообще...
- Адаптироваться вам будет легко — вы «вселитесь» в тело младенца или совсем маленького ребенка. Кого удивит, что ребенок ничего не знает и плохо говорит? Пока подрастаете, во всем разберетесь, времени будет предостаточно. А подготавливать вас некому. Наш специалист — археолог — на свое несчастье раскопал что-то ценное. Бандиты решили, что им это пригодится...
- Убили?
- Нет, но из больницы выйдет, в лучшем случае, через месяц. А сможет ли работать... Вот так!
- Ну, хорошо... В кого хоть вселяться-то буду?
- Где-то у меня тут записано. Вот! Мужчина, дата смерти — 1171 год, дата рождения неизвестна. Возраст на момент смерти — 55–60 лет. Очень неплохо по тем временам. Ничем, кстати, не болел. Погиб, скорее всего, в бою. Судя по всему, принадлежал к военной знати, вероятно, был боярином. Похоронен недалеко от реки Припять.

— Это в Чернобыльской зоне?

— Да, но вас-то это не коснется.

— Я не о том. Как раскопали-то?

— Не знаю, как-то не приходило в голову спросить.

— Мы отвлеклись. Что еще известно? Как звали-то, хоть?

— Раб божий Михаил. Но Сан Саныч — наш историк — сказал, что это ничего не значит. Всего лишь — крестильное имя, а на самом деле всю жизнь мог проходить каким-нибудь Ярославом, Всеволодом или вообще — Жирятой.

— Еще что-нибудь?

— Нет, это — все.

— Неужели ни в каких документах не упоминался?

— Сан Саныч сказал бы.

— А мой предшественник? Вы сказали: начал выполнение задания, а потом?

— Неизвестно. Погиб, передумал, утратил возможности. Но свое дело сделал, Это благодаря его посылочке мы можем отправить вас. Так что вы уж постарайтесь там... Если будет возможность, пишите отчеты почаще. Нам ведь надо понять: что там с человеком происходит. Может быть, со временем внедренная личность отторгается или еще что-нибудь. Поймите, ценна любая информация.

— И не только информация...

— Да, долги бы по зарплате вернуть... Знаете что? Я, конечно, обещать не могу, но есть один вариант, вернее, гипотеза. Если нам удастся продолжить работу, не исключено, что в момент смерти носителя, мы сможем вернуть ваше сознание назад — сюда.

— Дополнительный стимул? Не беспокойтесь, отработаю честно и так. Что присылать-то?

— Вот, ознакомьтесь. Здесь список... э-э желаемого, способы консервации, места захоронения, метки, которые надо оставить.

— Да как же я это запомню? Здесь листов двадцать.

— Вы пока только ознакомьтесь, потом я сделаю так, что запомните навсегда.

— Я не гипнабелен.

— Это у других вы гипнозу не поддавались, а у меня... В этом-то я как раз специалист.

— Стойте! Куда вы? У меня еще куча вопросов. Вот ведь, сразу и не сообразить...

— Извините, пора. Я пошел заказывать машину.

— И что, вам позволят меня вот так просто вывезти?

— Почему бы и нет? По документам вы, уважаемый, уже почти сутки как покойник. Я ведь вас на труповозке повезу.

Европа. Первая четверть XII века

Давайте, любезный читатель, вначале договоримся о том, что такое Средневековье, с чего оно началось и чем закончилось. Не так давно автор имел бестактность задать этот вопрос группе учеников выпускного класса средней общеобразовательной школы, чем, совершенно непреднамеренно, поверг их в тягостное раздумье, никаким членораздельным ответом не завершившееся.

Уж если абсолютно свеженькие претенденты на свидетельство о среднем образовании затруднились с ответом на мой вопрос, то обладателям документа, некогда гордо именовавшегося «аттестатом зрелости», надеюсь, не покажется обидным, если автор им кое-что напомнит.

Средневековье пришло на смену Античности, родившись в V веке нашей эры, сразу после мучительной кончины Римской империи. Концом же периода Средневековья принято считать век XVII, а точнее время побед буржуазных революций в Англии и Голландии.

Если, любезный читатель, скучные римские цифры мало что вам говорят, то обратимся к более наглядной иллюстрации. В Санкт-Петербурге, в Русском музее, имеется картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи». На ней, в самом центре полотна, художник поместил аллегорические изображения гибнущей Античности и нарождающегося Средневековья. Античность олицетворяется уносимой взбесившимися конями разбитой колесницы, а Средневековье — младенцем, из этой колесницы выпавшим. При падении, кстати сказать, он нисколько не пострадал и даже не плачет.

Если же по музеям вам ходить недосуг, то припомните, пожалуйста, шевалье д'Артаньяна, если не книжного, то хотя бы киношного. Как известно, в романе «Двадцать лет спустя» как раз и описываются времена буржуазной революции в Англии. Так что, в книге «Три мушкетера» господин д'Артаньян пребывает еще в Средневековье, а в книге «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» — уже нет. Вот тебе, бабушка, и се ля ви!

* * *

В том тексте, любезный читатель, который автор имеет честь вам предложить, речь сначала пойдет о двадцатых годах XII века — самой, что ни на есть, середине Средневековья. Что же это было за время?

Прошло около шестидесяти лет с тех пор, как Вильгельм Завоеватель завоевал Британские острова (не целиком, конечно, но лиха беда начало!). На рубеже века Первый крестовый поход успешно

завершился взятием Иерусалима и созданием Иерусалимского королевства.

До рождения Чингисхана остается еще лет сорок, а до появления на свет Ричарда Львиное Сердце — примерно тридцать. Однако и без этих знаменитостей скучать не приходится — колоритных личностей хватает и без них.

Например, правил в описываемые времена в Англии король Генрих I, обессмертивший себя фразой: «Необразованный король подобен коронованной заднице!» Мысль, по тем временам, свежая, поскольку даже благородное сословие было практически сплошь неграмотным. Был Генрих I младшим сыном Вильгельма Завоевателя, но другие наследники тем или иным способом перешли в мир иной, некоторые — при весьма сомнительных обстоятельствах.

Внутренними разборками Генрих I не ограничился, а сиганул обратно через Ла-Манш во Францию и чередой войн, убийств, заключенных и нарушенных договоров оттяпал у Франции большую часть западного побережья: Нормандию, Мэн и Бретань.

Прославился Генрих I и подвигами на ином поприще. Законных детей у него было всего двое, зато внебрачных — целых двадцать пять! Имелись, возможно, и еще, но алименты в те времена платить было не принято, а потому документации не сохранилось.

Противостоял Генриху I французский король Людовик VI Толстый. Воспитанный в монастыре, Людовик VI ничем, кроме телосложения, своего английского коллегу не превосходил — ни на военном поприще, ни на дипломатическом, ни на любовном, а потому отбить западные провинции Франции так и не смог.

А в Испании тогда правила женщина! Обстоятельство по тем временам уникальное. Уррака Кастильская, королева Кастилии и Леона. Большая часть Испании, правда, была захвачена арабами, Португалии не существовало вообще, а то немногое, что оставалось, представляло собой сборище карликовых королевств, но Кастилия и Леон были самыми крупными из них. Сеньора Уррака не только правила двумя королевствами, но и дважды, под угрозой отлучения от церкви, расторгала браки — как-то у нее все время получалось выходить замуж за кого не положено. Умерла сия достойная дама в возрасте сорока пяти лет, рожая третьего внебрачного ребенка от графа де Лара.

Неприятности сеньоры Урраки с католической церковью выглядят, по правде сказать, сущими пустяками по сравнению с тем, какие проблемы имел ее современник, император Священной Римской империи германской нации Генрих V. Если Урраку только пугали отлучением от церкви, то Генриха V отлучали аж четыре раза!

Первый раз Генриха V отлучил папа Пасхалий II, потом — архиепископы Кёльнский и Майнцский дуэтом, в третий раз — папа Геласий II, в четвертый — папа Каликст II. Из-за всех этих заморочек Генриху V пришлось дважды смотаться в Италию, отчего римские папы, отлучавшие его от церкви, поимели кучу неприятностей. Пасхалия II Генрих сначала взял в плен, потом вообще изгнал из Рима, а папе Геласию II удалось смыться во Францию самому. Папа Каликст II, видимо, решив не испытывать судьбу и как-нибудь договориться, отлучение императора Генриха отменил и заключил с ним договор, известный под названием Вормского конкордата. Договор для церкви был невыгоден, но зато папа Каликст II хоть в Риме мог после этого спокойно сидеть, не опасаясь внепланового визита раба Божьего Генриха № 5.

Вообще Генрих V, будучи зятем уже упомянутого нами английского короля Генриха I, по части вооруженных конфликтов тестю нисколько не уступал. Свою карьеру он начал с бунта против собственного папаша, а потом с кем только не воевал: с поляками, богемцами, саксонцами, вестфальцами — всех и не перечислишь.

Так Генрих V и жил. Побеждал и бывал неоднократно бит, заключал и нарушал договоры, давал обещания и иногда даже выполнял их. На все это требовалось столько времени и сил, что умер Генрих V бездетным. По этой статье он явно проиграл любвеобильному тестю.

Чуть восточнее, в эти же самые времена, в Чехии с истинно славянским самозабвением резались между собой, выясняя, кому из них сидеть на пражском престоле, четыре сына короля Вратислава: Брячислав, Боривой, Владислав и Собеслав. Мало того что, что первая четверть XII века в Чехии и без того изобиловала смутами и междоусобицами, так еще приходилось отбиваться и от германцев, уже тогда считавших Чехию имперским леном.

Чуть севернее происходило примерно то же самое. Полабские славяне — лютичи, бодричи и лужбичи — то хлестались между собой, то отбивались от германцев, настырно, но с переменным успехом, пытавшихся овладеть землями восточнее Лабы, которую они уже переименовали в Эльбу. Успехи были действительно очень и очень переменными, поэтому ни одного немецкого порта на Балтике не было, Поморье еще не стало Померанией, а Берложье — Берлином. То есть печально знаменитый «Дранг нах Остен» вроде бы как и начался, но получалось пока неважно.

Королем бодричей в те времена был некто Кнут Лавард, женатый на русской княжне. Мода жениться на киевских княжнах, заведен-

ная европейскими монархами сто лет назад, при Ярославе Мудром, еще не прошла.

Женился на русской княжне и король Венгрии Коломан — хромой, лысый и шепелявый параноик, вырезавший, во избежание династических проблем, почти поголовно всю свою родню. Венгрия тогда была огромной, по европейским понятиям, страной — гораздо больше, чем сейчас, а под боком у нее притулилось маленькое даже не королевство и не герцогство, а маркграфство Австрия.

Правил Австрийским маркграфством Леопольд III. Правил настолько мудро и, говоря современным языком, профессионально, что сумел заложить фундамент государства, по прошествии веков ставшего огромной Австро-Венгерской империей. Потомки, надо признать, его старания оценили по достоинству, и сейчас Леопольд III считается святым покровителем Австрии, а день его памяти является официальным праздником.

Еще одним монархом, женатым на русской, был в те времена польский король Болеслав III Кривоустый. Железной рукой подавив междоусобицы и смуты, пленив и ослепив родного брата Збигнева, Болеслав хищно поглядывал на земли полабских славян, пытался вмешиваться в дела Киевской Руси и удачно воевал с германцами и чехами.

Однако и ему самому крепко портили кровь периодическими набегами пруссы — пока еще натуральные, а не германские переселенцы и насильственно онемеченные остатки местного населения. Кёнигсберга (ныне Калининград), по понятным причинам, в Пруссии еще не было.

Не было также ни Мемеля (ныне Клайпеда), ни Риги. Литвы, как государства, тоже еще не было — до рождения его основателя князя Миндовга оставалось более ста лет. У датчан до Прибалтики руки еще не дошли, а потому на месте нынешнего Таллина еще не появилась датская крепость Ревель. Датчане пока занимались тем, что пытались прибрать к рукам весь скандинавский полуостров.

А на юге блистала пока еще незаметно дряхлеющая Византийская империя. Константинополь — самый крупный город в Европе (население — аж двести тысяч человек!), солиды — самая ходовая европейская золотая монета, а храм святой Софии — самое величественное здание на европейском континенте. Но на императорском троне уже начали сменять друг друга самозванцы, границы терзали турки, арабы, половцы и вообще все, кому не лень; армия все больше пополнялась за счет иностранных наемников, так что блеск и величие империи поддерживались уже не столько силой и авторитетом, сколько интригами и золотом.